

© А. И. Илиади
(Кировоград)

О НЕКОТОРЫХ ИРАНИЗМАХ СЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ. III*

Статья посвящена этимологическому анализу нескольких лексем, структура которых не находит удовлетворительного объяснения в системе славянского словообразования. Согласно процедуре этимологического исследования, слова, морфологически неделимые уже в древнейшую эпоху, трактуются как реликтовые (фондовые), т. е. как наследие праязыковой эпохи. Однако рассматриваемые формы стоят особняком и среди реликтовой лексики славянских языков, что свидетельствует об иноязычном источнике. При ближайшем их рассмотрении появляются основания для вывода о заимствовании их из иранской речи и определения сравнительно старой хронологии инфильтрации. Привлекаемый для процедуры этимологического анализа материал позволяет говорить об этих словах как элементах скифо-сарматского словаря.

Ключевые слова: дериват, праславянский, иранский, этимология, словообразование, прототип.

О. І. ІЛІАДІ. ПРО ДЕЯКІ ІРАНІЗМИ СЛОВ'ЯНСЬКОГО СЛОВНИКА. III*

Статтю присвячено етимологічному аналізу кількох лексем, структура яких не має задовільного пояснення в системі слов'янського словотворення. Відповідно до процедури етимологічного аналізу, слова, що морфологічно не членувалися уже в найдавнішу добу, трактуються як реліктові (фондові), тобто як спадок прамовної доби. Однак розглядувані форми існують відокремлено й серед реліктової лексики слов'янських мов, що свідчить про іншомовне джерело. При пильнішому їх розгляді з'являються підстави для висновку про запозичення їх із іранського мовлення і визначення порівняно давньої хронології інфільтрації. Матеріал, який залучається для процедури етимологічного аналізу, дозволяє говорити про ці слова як про елементи скифо-сарматського словника.

Ключові слова: дериват, праслов'янський, іранський, етимологія, словотвір, прототип.

A. I. ILIADI. ON SOME IRANIAN LEXICAL ELEMENTS IN THE SLAVONIC LEXICON. III*

The paper is devoted to the etymological analysis of several lexemes, the structure of which has had no satisfactory explanation in the system of the Slavic word formation. According to the procedure of etymological research, the words which were morphologically indivisible in ancient times are treated as relic (fund) forms, i.e., as a heritage of the Protolanguage era. However, the forms under discussion stand out among the relic lexis of Slavic languages, which is indicative of their foreign origin. On closer examination there appear grounds for the conclusion concerning borrowing of these words from the Iranian language and determination of a relatively old history of their infiltration. The material used in the etymological analysis permits to refer these words to elements of the Scythian-Sarmatian vocabulary.

Key words: derivative, Proto-Slavonic, etymology, derivation, prototype.

Алан. *Āsa-asma- (?)

В материалах по русской гидронимии, опубликованных М. Р. Фасмером, отмечено речное название *Асома*, в свое время употребительное в Нижегородской губернии (Vasmer 1961, I: 51). Доступные современные источники по гидронимической лексике этого региона не дают сведений о более точной локализации интересующей

* Продолжение. Начало см.: Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – Вип. 25. – С. 174–177.

нас формы и об ареале фонетически близкой топонимии. Отсутствие соотносительной с этим названием славянской апеллативной лексики указывает на его иноязычное происхождение, в частности, звуковой облик *Асома*¹ вызывает ассоциации с водной номенклатурой финно-угорских языков, носители которых уже давно населяют Поволжье и в которых широко представлен структурный тип гидронимов и апеллативов на *-ома/-ема/-ма*, ср., напр., фин. *lahtema* ‘залив’ < *lahti* ‘то же’, ‘бухта’ (Майтинская 1974: 344), мерян. *Ильдома* (бывш. Костром. губ.) = мерян. **il'Doma* ‘необитаемый (безжизненный)’ (Ткаченко 2007: 71), карел. *Аржема*, *Войдома*, *Кочкома*, *Нетома*, *Нолома-йоки*, *Охтома* (Верхняя и Нижняя), *Пулома*, *Торома*, морд. *Ватьма*, *Пелетьма*, *Варма*, мари *Пижма*, *Шильма*, *Нурма*, удм. *Пужма*, *Лекма*, *Тойма* – реки и др., вероятно, принадлежащие к производным с продуктивным фин.-угор. суфф. **-ma/*-mä* (см. о нем: Майтинская 1974: 344; Феокистов 1975: 300; Коведяева 1976: 48; Тепляшина 1976: 153). Однако на финно-угорской почве *Асома* не поддается удовлетворительному объяснению, как не этимологизируется оно в пределах тюркской речи (в частности – татарской и чувашской), издавна бытовавшей в этом регионе.

Тупик с попыткой обращения к данным живых языков одновременно указывает на целесообразность апелляции к топонимическим реликтам речи народов, уже сошедших с исторической сцены. Таковыми в ареале, расположенном вдоль побережья Волги, были асы (яссы), чье название “рифмуется” с началом гидронима, ср. мнение историков о простиравшихся в VIII–X вв. от Средней и Нижней Волги до Волго-Донья и далее владениях аланов-асов, составивших основу буртасского племенного союза (Бубенок 1997: 128), а также достаточно иллюстративную этимологию И. Г. Добродомова, объясняющую средневожский этноним *буртасы* на алано-осетинском материале как ‘речные асы’ (Аникин 2011: 187–188). Помня о том, что сложность определить генезис конкретной лексемы иной раз кроется в сильном искажении её исконной формы, допустим факт искажения и в случае с *Асома*, в котором могло отразиться алан. **āsa-asma-* – именное сложение *ās* ‘сарматское племя’, ‘асы’, ‘яссы’, ‘осетины’ (Абаев 1979: 281) с **asma-* (< **aś-ma-*) < **aś-mṛ-* – имя деятеля с суфф. *-mṛ-* (ступень чередования к *-man-*) от **aś-* ‘есть’, ‘давать есть, кормить’ (~ др.-инд. *āśay-* ‘то же’, *āśman-* ‘едок’ < индоар. *aś-*; Mayrhofer 1992: 136; ЭСИА 2000, 1: 235). Общий характер мотивации **Aśa-asma-* = ‘Кормилица/Кормящая асов’, ср. выше др.-инд. *āśman-* ‘едок’,

¹ Неясно отношение к *Асома* частично созвучного с ним совр. *Сома* – река, приток Белой Холуницы в бассейне Волги на территории Кировской области.

семантически отличное, но материально тождественное второй части иранского гидронима. Как близкую ономаσιολογическую аналогию укажем слав. *Krmeća voda* – водный объект в Боснии (Dalmacija 1981: 59), где первый компонент – йотированная форма прич. на *-et-* (praes. act. fem.) к **kърmiti* ‘кормить’ (**kърmetja*).

Известная из документов начала XX в. форма гидронима, по всей видимости, была усвоена русским населением уже от местных финноязычных этносов, в речи которых он, естественно, подвергся значительным изменениям, вписавшись в класс марийских, мордовских и удмуртских названий на *-ма*.

Сармат. **Aspug-*

В гидрографии Урала (Яика), по данным “Книги Большому Чертежу”, изданной в 1627 г., фигурирует потамоним *Аспуга*: “А промежь рѣки Сунгурлука и Оиля рѣки, пали двѣ рѣки въ землю: рѣка *Аспуга*, да рѣка *Кууей*” (КБЧ 1838: 70; КБЧ 1950: 94: в другом списке вместо *Кууей* фиксируется форма *Кунуей*). Зафиксированный под ним водный объект сегодня отождествляют с рекой Булдырты (бассейн Урала) в Западном Казахстане, где логично ожидать сохранение остатков иранской топонимии, т. к. его территория частично совпадает с географией кочевых сарматских племен и ареалом прохоровской культуры, отождествляемой с сарматами (см., напр.: Смирнов 1954: 202). В частности, нельзя исключать, что в названном казахском водном названии (бытовало, видимо, также и в говорах русских переселенцев) сохранилось более древнее сармат. **Asp-ug-*, т. е. производное от **aspa-/aspā-* ‘конь, лошадь’ (ср. Βανάδας – имя царя сарматского племени языгов = **vanat-aspa-* ‘победноконный’ от **van-* ‘побеждать’; Абаев 1979: 282) с суфф. *-ug-* < *-uk-* с проведенным озвончением *k > g*. Формант, видимо, сопоставим со ср.-перс. адъективным суфф. *-uk* (*čāruk* ‘ловкий, проворный’ < иран. **čāru-ka*, *sapuk* ‘легкий’, ‘легковесный’) или *-ūk* (*mastūk* ‘пьяный’, ‘опьяненный’; см. о них: Расторгуева 1966: 33–34). Предположив именно такую исконную структуру топонима, можно заключить, что перед нами прилагательное, семантически близкое к ‘конный/-ая’ или, скорее, к ‘конский/-ая’, ср. типологически близкие укр. *Кінська* (Конская) – название левого притока Днепра в Запорожской области, стар. *Конские Воды* “а *Конскія-воды* пали в рѣку въ Московку, а Московка || пала въ Днѣпръ противъ острова Томоковки” (КБЧ 1838: 14; КБЧ 1950: 65).

Впрочем, в adj. **asp-ug-* с равным успехом можно выделять и суфф. *-ug-* со знач. наделенности, ср. скиф. Ξη Φαρνοῦχος – имя иберского царя II в. ~ осет. *færnug* ‘наделенный фарном’ (Абаев 1979: 288), что влечет за собой допущение образной номинации ‘[Река,] имеющая быстроту коня’, подчеркивавшей быстроту речного

течения.

Сармат. *Karana

Названия паннонских рек, известные из письменных источников как хорв. *Корана*, *Кòрана* – правый приток Купы (Липовский 1900: 6; Мичатек 1903: 702), *Korana* – приток Козяка, Купы (бассейн Савы) и фигурирующие в древних памятниках в виде *Koranna*, 1224 г., *Corana*, *Corona* 1292 г., (произв.) *Coranicza*, 1224 г., неоднократно оказывались в центре внимания исследователей архаичной европейской гидронимии (см. этимологии этих форм, собранные в: Dickenmann 1966: 184–185; Duridanov 1975: 277; Іліаді 2008: 209–210). Не имея возможности подробно изложить в рамках этого этюда суть всех имеющихся сегодня версий происхождения интересующих нас лексем, приведем только наиболее, как нам кажется, аргументированные и сформулированные в одном ключе.

Согласно первой, эти названия сохраняют старое производное с формантом *-ānā* от и.-е. **(s)ker-* ‘вертеть, поворачивать, сгибать’ ~ авест. *skarəna-* ‘круглый’, гр. κοῤῥῶνη ‘любой изгиб, неровность’; при этом привязка к языку конкретного этноса не делается (Duridanov 1975: 277), что можно понимать как учет наддиалектного характера реликтовой и.-е. гидронимии.

Согласно второй, отраженную в них форму **korana* допустимо считать исконным элементом славянского словаря, где она была либо индоевропейским наследием **kor-ānā*, **kor-ōn-*, либо инновацией – дериватом с суфф. *-an-* от все того же корня **kor-* с широким набором значений ‘гнуть, сгибать; рубить, резать’ (Іліаді 2008: 210). Славянский генезис названия как будто подтверждается аналогами с восточнославянской территории, ср. др.-рус. **Корана**, 1139 г. – урочище (по другим сведениям – река) в Переяславской земле, по которому князь Андрей гнал полки Святослава (брат князя Всеволода), разбитые под Переяславлем (эпизод о княжении в Киеве Всеволода Олговича), ср. “до **Коранѣ**” (Лаврентьевск. летопись 1926: 308), “до **Коряня**” (Софийск. летопись 2000: 226), “до **Коранѣ**” (Воскресенск. список 1856: 32), укр. *Корань* (*Карань*, *Карáнь*, *Каронь*, *Курань*, *Kurań*) – река, приток Трубежа (Vasmer 1962, II: 265). Отсутствие этой лексемы в слав. апеллативном словаре указывает на древность зависимого от неё гидронима. Возможно, её следы находим также и в *Korana*, *Koran* – антропонимы (Leksik 1976: 70), пол. *Koranziv* – гидроним (NWP 2001: 146).

Кажется, исчерпаны еще не все возможности этимологизации названных слов. А

именно – не исключено отражение в них иранского апеллятива типа **karana-*, ср. такие его продолжения: авест. п. *karana-* ‘конец’, ‘граница, край, берег, сторона’, ср.-перс. *karān-* ‘сторона, край, берег’, кл. перс. *karān-* ‘граница, край, берег, рубеж’, осет. *kæron* ‘конец, край, предел’ и под. (ЭСИЯ 2011, 4: 286–289). Т. е. велика вероятность усвоения гидронима славянами из иранской речи. Обоснованность такого предположения проистекает не только из чисто лингвистической стороны – развития иран. **karanā-* (точнее – какого-то из его рефлексов) в **korana* на славянской почве (через стадию **korona* (ср. вариант *Corona*) с диссимиляцией *o – o > o – a*), но также из исторического факта заселенности различных областей Паннонии сарматскими племенами (первыми были языги, осевшие в Нижней Паннонии еще I в. н. э., остальные сарматы распространялись по сопредельным территориям военным путем вплоть до IV в.), число которых было настолько велико, что их земля за паннонским лимесом именовалась *gīra Sarmatica* (Колосовская 1973: 229, 234, 235). Семантика формально соотносительных с гидронимом иранских апеллятивов достаточно четко характеризует роль реки как естественной границы, отделявшей край, владения сарматов от земель других народов пестрой в этническом отношении Паннонии.

При допущении этимологического и структурного тождества паннонского названия (может быть, сюда же и хорв. ойконим *Korana*; Im. m. 1956: 233) и отмеченных на территории совр. Украины топонимов (см. выше) напрашивается вывод, что вост.-слав. варианты либо перенесены из Паннонии в ходе расселения славян, либо отражают реликты речи живших тут скифов, словарь которых также мог содержать аналогичные лексемы (**karanja-* > сев.-вост. **karanya-*).

Мнение о том, что в вариантах *Карань*, *Корань* обязательно отражена тюркская форма *Каран* (~ башкир. *qaran* ‘речка, родник’, в итоге выводимое из иран. слова типа перс. *karane* ‘берег, побережье’, ‘край, рубеж, граница’; Валеев 1996: 155, 158), представляется спорным. Учитывая преемственность ирано-славянской языковой традиции на землях, ограниченных бассейном Днепра, их столь же вероятно толковать как результат деэтимологизации (ей зачастую подвержены иноязычные элементы топонимии) восточноиранского названия в славянском употреблении. Не последнюю роль в возникновении известных сегодня вариантов сыграли фонетические процессы славянской речи: форма *Карань* легко могла возникнуть из *Корань* посредством регрессивной ассимиляции гласных в соседних слогах (*o – a > a – a*), ср. еще особое указание на поздний возраст фиксации *Карань* сравнительно с остальными (ЕСЛГН 1985: 70). Мнимой оказывается и “необъяснимость” на почве русского (правильнее

было бы сказать – украинского) языка разновидности гидронима *Курань* (так см.: Валеев 1996: 155), т. к. славянскому произношению свойственно повышение степени лабиализации [o] (напр., в позиции после *k*), приводящее к его переходу в [u], ср. рус. диал. (перм.) *коку́ра* ‘прическа в виде закрученного и стянутого сзади пучка волос’, ‘узел’ наряду с (перм., арх., костр., олон.) *кокóра* ‘корень дерева’ < псл. **kokora*; рус. диал. (урал.) *кума́рь* ‘комар’, пол. диал. *kumor* ‘то же’ < **komarъ*; укр. диал. *кума́н* ‘конь’ наряду с *комо́нь* < **komonъ*; болг. диал. *куло́* ‘колесо’ наряду с *коло́* < **kolo* (ЭССЯ 1983: 114–115, 141, 169–170, 177) и др. случаи. Предположительно, форма *Курань* у названия реки появилась на том отрезке её течения, где бытовали говоры с указанной фонетической чертой.

По-другому об укр. *Корань* см.: (ЕСЛГН 1985: 70), где предлагается сближение с тюрк. *каран* ‘темный’, ‘темнота’ и альтернативное объяснение от слав. **корь* ‘дерево’. О возможных судьбах иран. **karana-* в широком ареале тюркской топонимии см. (Валеев 1996: 153–158: с упоминанием слав. этимологии из ЕСЛГН). Из литературы см. еще (Периханян 1982: 55–56), где рассмотрены несколько мидийских топонимов с постпозитивным **karan-* с территории древней Армении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки / Расторгуева В. С., Соколов С. Н., Абаев В. И. – М.: Наука, 1979. – С. 272–364.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – Вып. 5. – 344 с.
3. Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.) / О. Б. Бубенок. – Киев: Логос, 1997. – 224 с.
4. Валеев Г. К. Из истории южноуральской топонимики и географической терминологии / Г. К. Валеев // Вестник Челябинского университета. Серия 2: Филология. – Челябинск, 1996. – № 1. – С. 153–162.
5. Воскресенск. список: Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Праца, 1856. – Т. VII. – 345 с.
6. ЕСЛГН: Этимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / [відп. ред. О. С. Стрижак]. – Київ: Наук. думка, 1985. – 256 с.
7. Іліаді О. І. Слов'янські мовні релікти в топонімії Балкан / О. І. Іліаді. – К.; Кіровоград: КОД, 2008. – 420 с.
8. КБЧ 1838: Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. – СПб., 1838. – 261 с.
9. КБЧ 1950: Книга Большому Чертежу / [подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 228 с.
10. Коведяева Е. И. Марийский язык / Е. И. Коведяева // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 3–96.
11. Колосовская Ю. К. Паннония в I–III веках / Ю. К. Колосовская. – М.: Наука, 1973. – 253 с.
12. Лаврентьевск. летопись: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной историко-археографической комиссией АН СССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – Т. I, вып. 1: Повесть временных лет. – 286 с.
13. Липовский А. Л. Хорваты (с приложением карты Хорватии, Славонии и Далмации) / А. Л. Липовский. – СПб., 1900. – 406 с.
14. Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С. 214–382.
15. Мичатек Л. А. Дифференциальный сербско-русский словарь.

Имена географические / Л. А. Мичатек. – СПб., 1903. – 757 с. 16. Периханян А. Г. Этимологические заметки. I / А. Г. Периханян // Историко-филологический журнал (Ереван). – 1982. – № 1. – С. 55–62. 17. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с. 18. Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии / К. Ф. Смирнов // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 195–219. 19. Софийск. летопись : Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – Т. VI, вып. 1. – I–VIII, 312 с. 20. Тепляшина Т. И. Пермские языки / Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 97–228. 21. Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку / О. Б. Ткаченко. – Кострома: Инфопресс, 2007. – 352 с. 22. Феоктистов А. П. Мордовские языки / А. П. Феоктистов // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 248–345. 23. ЭСИЯ: Расторгуева В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Вост. литература, 2000–2011. – Т. 1–4. 24. ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [Под ред. О. Н. Трубачева]. – М.: Наука, 1983. – Вып. 10. – 198 с. 25. Dalmacija S. O klasifikaciji i sufiksaciji hidronima Potkozarja / S. Dalmacija // Četrta Jugoslovanska onomastična konferenca : zb. referatov, od 14 do 17 oktobra, Portorož. – Ljubljana, 1981. – S. 55–65. 26. Dickenmann E. Studien zur Hydronymie des Savesystems / E. Dickenmann. – Heidelberg : Carl Winter, 1966. – Bd. I. – 210 S. 27. Duridanov I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle / I. Duridanov. – Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1975. – 417 p. 28. Im. m. : Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. – Beograd : Izd. "Službenog lista FNRJ", 1956. – 499 s. 29. Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. – Zagreb : Tipograf, 1976. – 722 s. 30. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen / Mayrhofer M. – Heidelberg, 1992. – Bd I. – 812 S. 31. NWP : Szulowska W. Nazwy wód w Polsce / W. Szulowska, E. Wolnicz-Pawłowska. – Warszawa : PAN DIT, 2001. – Cz. I : Układ alfabetyczny. – 337 s. 32. Vasmer : Wörterbuch der russischen Gewässernamen / [Begr. von M. Vasmer]. – Berlin ; Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1961–1969. – Bd I–V.

Стаття надійшла до редакції 27.07.2013